

*Войны выигрывают не генералы,
войны выигрывают школьные учителя
и приходские священники.*

Отто фон Бисмарк

Мы искренни и откровенны не только в любви к родителям, но и к своим учителям. Может, потому, что их щедрая доброта, словно солнце, плавит всё злое, оставляя в каждом из нас на всю жизнь самые светлые и самые тёплые воспоминания. Я до сих пор ещё в полной мере не могу осознать влияние на меня моей первой учительницы в постижении мной окружающего мира. Настолько оно было для меня беспредельно, что и сейчас всё лучшее, что заложила она, живёт во мне и будет продолжать жить до конца жизни.

Летом шестьдесят третьего года, когда я должен был пойти в первый класс, отец, возвращаясь с работы домой, часто видел меня с липкими струйками пота на лице, до умопомрачения играющего на лугу со своими сверстниками в футбол. “Хватит бучать мяча, не пора ли тебе готовиться к школе?” — говаривал он. И вот приготовления начались. В июле месяце мы с бабушкой съездили в Харьков за обновками. Купили портфель, рубашку, костюм и брюки. Впереди была встреча со школой.

На всю жизнь запомнил я день, когда до нас с бабушкой, стоящих у крыльца дома, вместе со скрипом дворовых ворот донёсся громкий, слегка задавленный грудной голос моей первой учительницы — Перовой Марии Павловны.

— Ну, вот, кажется, я сюда попала, — осторожно проговорила Мария Павловна. — Только где ж он, мой ученичок-то?

— Да здесь он! Здесь! У нас с ним с утра до ночи одни и те же дела. За делами и дня не видно. Цыплят всё никак не пересчитаем, — не прерывающая хлопотливого занятия, проговорила бабушка.

— То правда, в больших делах пустяков нет, — расплываясь в улыбке, подхватила учительница.

Я во все глаза разглядывал её. Мария Павловна была среднего роста. Её фигура с выразительным изваянием форм высвечивала в ней праздничную пышность, где яркая, парадная нарядность подчёркивала довольно дружелюбный и сильный характер и умение в любых условиях владеть собой. Маленький рот на круглом лице подчёркивал какую-то свою, особую самобытность, стремящуюся во всём следовать своим путём, а большие глаза выдавали богатство души и тёплое, сердечное отношение к людям.

— В этом году мы будем принимать семь первоклашек, — не останавливаясь у ворот, повела Мария Павловна речь о школе.

Бабушка, слышав число “семь”, на время прервала счёт убегающим от нас цыплятам, задумалась и, обратив свой взгляд в сторону моей будущей учительницы, с пониманием всего происходящего сказала:

— Семь — это хорошее число. Оно правит миром и пространством.

Когда я был невольным слушателем разговоров бабули, то безоговорочно верил каждому её слову, потому как к ней вечерами часто навещались старухи, и она, нацепив очки в тяжёлой оправе на бросающуюся в глаза горбинку в срединной части носа, читала им толстую книгу, которую они именовали Библией. Бабушка всегда была душой компании, может, поэтому и в разговоре с учительницей была так говорлива и словоохотлива. В её речи, как из рога изобилия, сыпались пословицы. И везде упоминалось число “семь”: “За семью морями, на седьмом небе, семеро одного не ждут”. Непонятно, к чему вспомнила она и про семь смертных грехов. К тому времени я уже сумел в достаточной мере ощутить понятие “двойного греха”, потому как совсем недавно бабушка отчитывала меня за проявленную неизъяснимую лень: в течение дня я не удосужился напоить бычка, изнемогающего с самого утра на привязи в логу на солнышке. Она не стеснялась в выражениях, шумела на меня — “обиженного обижать — двойной грех” — и не один раз хватила жиденькой хворостиной вдоль моей спины. Когда в разговоре с учительницей бабушка коснулась и “семи пядей во лбу”, Мария Павловна была уже не в силах сдержаться себя и с какой-то загадочной тональностью в голосе спросила:

— А ваш, бабушка, внучок, наверное, смыслённый, раз цыплятам счёт знает?

Я заметил, как у бабушки сразу исчезла вся её многоречивость, и она неловко подёрнула сбившуюся спереди юбку, словно находилась в поиске достойного ответа учёному человеку, который будет обучать её внука.

— Не знаю, что вам и сказать. Наверное, как все, — без всякого восторга в голосе ответила она, безотрадно качнув головой. — Только вот у него одна беда: когда волнуется, сильно заикается.

В детстве я, действительно, сильно заикался и с невероятным трудом выговаривал отдельные слова со звуком “р”. Ребята часто вынуждали меня ломать язык и произносить слово “картечь”, а затем, скрестив на груди руки, глядели свысока на мои бесплодные, долгие муки и от всей души хохотали. В кругу взрослых я пылко заводил начало разговора, но почти всегда на ровном месте неуклюже спотыкался, рычал и лязгал зубами, пока, наконец-то, вторая половина слова не находила брешь в моём произношении и на виду у всех не прорывалась наружу. Бабушка понимала, какое слёзное горе свалилось в наш дом, и уже с весны, когда я должен был пойти в первый класс, забила тревогу. Она водила меня по всем проживавшим в округе бабкам. Одни, не жалея сил и времени, поочередно благоговейно шептали мне что-то на ухо. Другие же сердобольные старухи порчу, наведённую на меня, пытались выливать на воск и на моей макушке стригли волосы, в лутки дверных косяков загоняли клинышки, но сдвигов в лучшую сторону у меня,

как ни странно, всё равно не наблюдалось. Это, наверное, продолжалось бы бесконечно долго, если бы моя будущая учительница Перова Мария Павловна в обеспокоенную нешуточным горем мою бабулю не вселила лучезарную надежду, что нервная система ребёнка с возрастом день ото дня будет крепнуть и неожиданно появившаяся болезнь ослабнет сама по себе.

— В моей практике был уже такой случай, — Мария Павловна попыталась разрушить в бабушкином сознании сомнения в моём выздоровлении. — Вы не переживайте, болезнь свою он перерастёт. А то, что дано ему от природы, так он, и заикаясь, возьмёт.

— Дай Бог! Дай Бог! — смахнув кончиком платка наверхушнюю в уголках глаз слезу, пробормотала бабуля. — Может, Господь и услышит ваше слово, сказанное в добрую минуту.

Потом я убедился в правоте слов Марии Павловны. Для преодоления моего заикания она выстроила свою, только ей понятную систему усвоения материала в произношении гласных, звонких и глухих согласных, которая дала замечательный результат: Мария Павловна умела трудные вещи делать лёгкими. Неукоснительно требуя от меня выполнения упражнений, заставляла строго следить за работой губ, движением языка и всегда ясно представлять, какая часть речевого аппарата задействована в образовании звука. Эти упражнения я выполнял до тех пор, пока они не вошли у меня в привычку. И система дала замечательные результаты: к третьему классу я навсегда распрощался со всеми трудностями в произношении слов.

Та беспокойная ночь перед самой школой мне хорошо запомнилась. Я часто просыпался, подбегал к бабушкиной кровати, тормошил её за плечо и слабым, встревоженным голоском шептал: “Ба, ба, а я не проспал сегодня в школу?” На что она в сонной полудрёме тихо бормотала: “Рано ещё. Ложись. Я обязательно тебя разбуджу”. Но я чувствовал, что бабушка здорово волновалась за меня. Среди множества чувств, переполнявших её, самыми сильными были два: радость и тревога. Радость, что я вырос и меня ждёт неизведанный мир. Тревога и обеспокоенность — смогу ли я выстоять в этом мире, где всё непостоянно, всё творится не нашим умом, а Божьей волею. Как буду постигать учение в школе? Не окажусь ли худшим в классе? Как сложатся у меня отношения со своими сверстниками, ведь все её старания вовремя избавить меня от болезни, связанной с заиканием, оказались безуспешными?

Праздничная линейка на открытой площадке, поросшей травой, для меня, первоклассника, останется в памяти на всю жизнь. Мы, мальчишки, в серых костюмах с подшитыми белыми воротничками, и девочки в коричневых платьях и белых фартуках с красивыми букетами осенних цветов — флоксов, астр и хризантем — в руках были взволнованы всем происходящим. Мария Павловна собрала всех малышей-первоклассников и повела за собой в пахнущий краской светлый класс, где, усадив за свежеевыкрашенные парты, дала нам понять и почувствовать в полной тишине своё место. Хотя вскоре мы поймём, что она, прививая нам активность работы на уроках, не задумываясь, тишину и порядок приносила в жертву. Для неё важно было всех учеников со своими непохожими мыслями вовлечь в обсуждаемую тему, а её главная задача была не упустить из поля зрения ни один наш самобытный и неповторимый ответ. На её уроках витал дух творчества, и при этом она не забывала вложить в душу каждого из нас человечность. В каждом своём воспитаннике она никогда не упускала из вида отдельный природный талант и, казалось бы, явную во всех отношениях слабость, со знанием дела всегда превращала в достоинство.

Наша школа располагалась на видном месте, на правом берегу реки Готни у сухой балки Крутого лога, глубоко прорезавшей его от пойменной долины с востока на запад. Сухая балка разрезала на две почти равные половины и хутор, вытянувшийся вдоль реки. Деревянный дом, обмазанный глиной и густо побеленный снаружи, не сразу приоткрывался во всей красе путнику, преодолевавшему вившийся по склону горы подъём к магазину и к школе. Сюда через вымощенные речные кладки в виде перевязанных двух брёвен с подвязанными жердяными перилами стекались вытопанные учениками

тропинки с поселенной заречной стороны. Сюда, на выдвинутой к луку чудную открытую площадку с хозяйственным школьным сараем и туалетами, словно воробьиная стая, вываливались из своих классов на каждой перемене ученики и, как угорелые, носились друг за другом, пока не звенел звонок на урок и они не возвращались за свои парты. За школой, где поверху проходила дорога, от нежелательных гостей и захмелевших от выпитого у магазина вина трактористов, были вырыты траншеи — глубокие заградительные канавы.

В нашем классе было шесть мальчиков и одна девочка. Лена жила рядом со школой с южной стороны, её дом стоял на взгорке в ложине Крутого лога. Трое моих сверстников в школу добирались с хутора Лантуховка: Вова и Витя с северной окраины, а Ваня — с южной. Остальные же ученики ходили с северной части хутора Басова, только путь Спирина Николая был вдвое короче моего, а дом другого Николая, Черкашина, стоял под горою у самой реки совсем недалеко от школы.

Школа была местом, где мы постоянно пребывали под надёжным покровом от всего злого. Бежали мы на занятия всегда с великой радостью. В то время школа представлялась нам неизведанной страной, где каждый прожитый день мало чем напоминал предыдущий, а наступающий всегда держал в себе столько неведомого и нового, что умом невозможно было всё и охватить, отчего и взаправду кружилась голова.

На входе в школу, в коридоре, с левой стороны на стене висела картина “Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовом поле”. Всколыхнувшиеся гривы лошадей, оскла их зубов, копыя, проткнувшие воинские доспехи и тела владников, создавали впечатление яростной битвы. В стане князя Дмитрия Донского ощущались выдержка, спокойствие и уверенность в победе русского войска, в лагере противника витало тревожное настроение неуверенности в исходе битвы.

На противоположной стене висела картина “Боярыня Морозова”, на которую мы невольно обращали внимание, когда уходили домой. Покидая школу, видели, как тяжёлые сани, увозившие закованную в кандалы “царскую тётку”, раскалывали толпу. Глядя на полотно, своей неокрепшей душой улавливали мы в разливавшемся по толпе весёлом хохоте, в заломленных шапках мальчишек, изображённых на картине, настрой толпы, нутром ощущали возникший непонятно от чего, проникающий в душу жуткий страх от горящих, яростных глаз бунтующей боярыни с вознесёнными вверх руками в кандалах.

В нижней комнате располагались второй и четвёртый классы. Отсюда хорошо обозревались на той стороне реки две нитки лантуховских хат с проброшенными по склону надпойменной террасы ухоженными огородами, смыкающимися почти у самой плотины заброшенного хуторского ставка. Пруд, в вершине поросший лозою, заходил в глубину леса Дуброва и уже на второй, надпойменной террасе уплывал в облака под самую линию горизонта. А внизу, слева, сквозь заросшую ольхой и густым ивовым лозняком пойму извилистой лентой пробиралась мелководная речушка. Она незаметно текла на юг мимо футбольного поля на лугу, сразу за ним давала отводное колено в сторону высокого правого берега, образуя с одной стороны сухую кулигу, а с другой — поемный лужок.

В верхней комнате размещались первый и третий классы. Отсюда хорошо просматривалась железная дорога, где беспрерывно в разных направлениях — с севера на юг и с юга на север — с грохотом и лязгом мчались грузовые и пассажирские поезда Ленинградского и Мариупольского направления. Почти у самых окон росли роскошные кусты сирени, за которыми поверху проходила дорога в сторону хуторского кладбища. Учительница проводила занятия в разных возрастных группах разом. Обучение требовало от неё способности свободно переходить от предмета к предмету и от возраста к возрасту, не ломая намеченного плана, а в ненасытно поглощающих знания учениках вырабатывалась искусство мыслить об изучаемом предмете независимо от всего, происходящего в классах. Разница в два года обеспечивала чисто условное деление в разъединении учеников по возрасту и реальное разграничение помещения.

В верхней комнате на стене, которая делила школу, висела карта мира. Переступая порог своего класса, мы с ребяческим азартом соревновались в знании названий больших и малых государств, самых протяжённых рек в мире, приходили в изумление от огромных размеров озёр, именуемых морями, проникались поистине морскими глубинами священного озера Байкал. Нас влекла и Среднерусская равнина, и Западносибирская низменность. Мысленно мы смело покоряли вершины гор Европы и Азии, ощущая огромность своей великой страны, омываемой морями трёх океанов, с её равнинами и низменностями, реками и озёрами, степями и пустынями, бескрайней тайгой и непередаваемой красоты тундрой. Невольно испытывали мы чувство гордости за русских первооткрывателей и путешественников.

Всё неизведанное и новое открывала нам наша первая учительница. На её уроках мы ощущали весёлую радость познания, и у нас появлялась, пусть робкая и неустойчивая, но вера в свои силы. Мария Павловна всегда побуждала нас к свободному творчеству, которое не знало угнетающего страха. Успех каждого из нас становился достоянием всего класса. Её похвала была заслуженной, искренней и обоснованной, а потому никогда не вызывала зависти со стороны других учеников. Незнание каких-то вещей никогда не давало нам повода ощутить недостаток её ума. Она умела научить нас даже тому, чего и сама не умела, шутя по этому поводу: “Уча — учимся”.

На уроках Марии Павловны взметнувшаяся вверх рука ученика говорила не столько о том, что тот, кто её тянул, всё знает, сколько о том, что потянувшийся к знаниям ученик хочет испытать себя и что ему необходимо вовремя протянуть руку, чтобы он поверил в исключительность своего природного дарования. Как чуткий воспитатель она сознавала, что от её творческих усилий зависит уровень общей культуры её подопечных, поэтому в своей благородной работе никогда не жалела доброты, понимая, что ростки этой доброты обязательно прорастут в многообещающем будущем сегодняшних учеников.

Она никогда не ставила перед собой цель сообщить нам достоверные факты, давая возможность самим разобраться во всём их многообразии и отыскать неопровержимые доказательства. Понимая, что в неведомом таится манящая сила, она вместе с нами переживала радость общего успеха, когда мы вдруг обнаруживали, что полюсом является точка пересечения оси вращения Земли с её поверхностью: именно здесь магнитная стрелка часов перестаёт показывать север, а Полярная звезда не в силах указать путь путешественникам, так как навечно застыла в своём зените. Вместе с нами радовалась, когда мы с удивлением открывали, что там полгода длится полярный день и полгода царствует мрак полярной ночи, нарушаемый лишь бледно-жёлтым светом луны да призрачными всполохами северного сияния.

Обращаясь к известному, она приоткрывала в нём что-то новое. Во всём, к чему прикасалась её рука, мы ощущали влекущую свежесть. Её особое чувство понимания красоты и справедливости постоянно заставляло нас размышлять. “Смог бы я, защищая свою Родину, оказаться на месте Пересвета? Нашлось бы мне место среди мальчишек в улюлюкающей толпе, сопровождающей боярыню Морозову?” — такие непростые вопросы задавали себе мы, её ученики.

Моя первая учительница отличалась взыскательной строгостью к себе и стремлением к нравственному совершенству. Её жизнь была полна неприязнительной простоты, порою граничащей с аскетизмом. Довольствуясь малым, не гоняясь за удовольствием, всегда спокойно со скудным багажом переезжала Мария Павловна с квартиры на квартиру в нашем Богом забытом поселении. В деревне всё на виду, каждая изгородь и кол с ушами и глазами. Человек ещё и норов не успел показать, а деревня сразу ему кличку подбирает. Безмерная любовь Марии Павловны к своему делу — внеурочным занятиям с отстающими учениками, ночным бдениям при свете керосиновой лампы над тетрадами, ежедневными планами работ — делали её самым уважаемым человеком в селении. Да и фамилия учительницы многих убеждала в том, что она принадлежала к особому сословию. В народном толковании “перо” всегда отмечало избранность: “Перо смелее языка. Писать — не языком чесать. Пера никогда не обманешь. Велико ли перо, а большие книги пишет”. Чем-то напоминала моя учительница непокорную боярыню Морозо-

ву с её фанатичным горящим взглядом и отчаянным жестом перед иконой пресвятой Богородицы.

Я пошёл в первый класс, но по-прежнему после школы продолжал гонять в футбол. К вечеру с раскрасневшимся лицом вбегал во двор, где прямо с порога бабушка уличала меня в отвратительном отношении к учёбе. Я чувствовал свою вину и не пререкался с ней. Молча тащил из портфеля букварь с тетрадками, чтобы успеть до прихода родителей сделать уроки, а стоявшую надо мной бабулю время от времени успокаивал словами: “Да не переживай ты, бабушка. У меня ещё ого-го сколько времени! До завтрашнего дня я всё успею!” А она, глядя в окно, погружавшееся в синий сумрак осеннего вечера, приводила меня в чувство, бубня себе под нос запавшие на всю мою жизнь слова: “Дети что цветы: уход любят”. Она усаживала меня за стол, просила написать несколько букв, затем, нацепив очки, скрупулёзно разбирала все мои закорючки и при этом непременно отмечала все мои успехи в сравнении со школьной работой. И я в спокойной, доброжелательной обстановке начинал проникаться чувством своих возможностей. А когда ещё на следующий день мои успехи отмечала и сама Мария Павловна, пребывав на седьмом небе. Я потихоньку начинал понимать, что хорошие оценки не появляются сами по себе, они кроются в ежедневном, кропотливом, радостном труде. И в этом мне помогали бабушка и Мария Павловна.

Дорога на занятия в школу для нас, самых маленьких, всегда была настоящим подвигом. Её надо было покрывать в любую погоду: брести по дорожной хляби под холодным дождём, когда сапоги вязнут в непролазной грязи, преодолеть этот путь в морозы. Когда закутанные пуховыми платками мальши появлялись у школьного порога в виде заиндевелых мужичков-с-ноготок, отважных смельчаков бросались спасать наши школьные учителя. Правда, некоторым из нас иногда здорово везло, если в ненастную непогоду до школы их подвозили на конных санях.

Помню, утром, после “Пионерской зорьки” — тогда радио в каждом доме просвещало народ — мать, чтобы не проворонить выезд нашего соседа, председателя сельского совета, несколько раз выбежала на улицу. Замечая стоявшие у ворот упряжные сани, убеждалась, что он ещё дома и на работу не выезжал, после чего на время успокаивалась. Но всегда, непонятно каким образом, вовремя надевала фуфайку и вместе со мной стояла у ворот, рассчитывая на удачу, что мне и сегодня подфартит, и я в санях-розвальнях вместе с председателем доберусь до школы.

— Доброго здоровья, Илья Петрович! Мы, как всегда, к вам с просьбой. Не знаю и сама, какой из него толк будет! — радостным возгласом мать приветствовала соседа, и я замечал, как она, указывая на меня при слове “толк”, ещё крепче со спины обхватывала мои плечи, приближая к себе. Бросив взгляд в сторону развалившегося председателя, ступёвывалась, с трудом удерживая мысль, говорила:

— У него с букварём нелады. Но на уроки-то ходить надо. Может, вы и сегодня подбросите его в школу?

— А чего ж не подбросить, не мне ж его везти, — дружелюбно усмехался председатель. — Лошадь всех доведёт. Пусть скорее прыгает ко мне в сани. Лишь бы от моего подвоза толк был. Меня вон мать в школу с напутствием выпроваживала: “Илько, не лежи на печи, до смерти учишь и до гроба исправляйся”. А то, что с букварём нелады, дак какая ж в том беда? Намучится — научится. Вон даже медведя — и того на велосипеде ездить научают. В науку нет коротких путей. Ты лучше, Гордеевна, следи за своим сыном, чтобы не упал в колодец и тебе не пришлось потом говорить: “Такова воля Божья”.

Мать, опустив голову, тихо улыбалась, радуясь, что и сегодня меня отправила в школу с оказией, и уже сама про себя думала: “Неразумная опека хуже беспризорности. Никто так детям не верит, как мать родная”.

Илья Петрович, ворхнувшись в санях, смял своим породистым телом пахучее сено. Заломив шапку, с молодецким посвистом и задорным криком: “Но! Но, милая! Не ленись!” — хлестнул вожжами и заторопился в сторону лога, управляя прерывисто дышавшей кобылой с валившими из её нозд-

рей клубами пара и хорошо ощущая подпрыгивание саней при наездах на катых конского навоза.

— Дядя Илюшка, — спрашивал я, — вы всегда ездите всё на лошадке да на лошадке, а вот мой папка везде и всюду ходит пешком. Почему всё так происходит?

Извозчик от моих обескураживающих слов привставал в санях, переводил взгляд на противоположную сторону реки, где вдаль из сомкнувшихся убулённых хат вились сизоватые дымки растапливаемых домашних очагов. Не в силах сдерживать напряжения, нервно встряхивая вожжами, важно поворачивался лицом в мою сторону и поучительно произносил:

— Ты, Петрушка, когда вырастешь, то, не стесняясь, всем говори: “Пешком шлёпайте, ходьба для всех полезна”. А сам, вот как я, на них не смотри, а езд и езд себе на строитивой лошадке, — шмыгнув носом, шутливо подмигивал мне хозяйским глазом. — Но для этого, сынок, учиться надо. Наука в лес не ведёт, а из лесу выводит. Короли властвуют над людьми, а учёные властвуют над королями. Хотя и среди учёных дураков хватает. На восходе красно солнышко, красно оно и на закате.

— Дядя Илюшка! Дядя Илюшка! Смотрите! Смотрите! — вскрикивал я, взмахнув правой варежкой, привязанной резинкой к рукаву нового пальто. — Вон! Вон на той стороне реки! Убегает лиса!

— Лиса, — глядя на мой мальчишеский восторг, многозначительно говорил он, — всегда сытей волка живёт. Она одним глазом спит, а другим кур считает. Лиса в любом деле сухой из воды выйдет, она свой след хвостом заметает.

Сани легко мчались по луговой зимней накатанной дороге, пока мы не выскочили прямо под Косихино, где я заметил на шероховатом льду крупные разлапистые мазутные пятна с мелкими кусками стекла.

— Тпру-у-у, скаженная! Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты! — лихо кричал извозчик, притормаживая в сумасшедшем разбеге лошадь. — Ступай, Петруша! Я дальше путь держу понизу, а тебе наверх. Тут рядом. Запомни только одно: учитель приоткрывает дверь, а дальше ты шагаешь сам.

Эти слова председателя я запомнил на всю жизнь.

Ухватив с собой увесистый портфель с книжками и тетрадками, ловко прыгивал я с убористых саней на хрумкающий снег и бежал по натоптанной дорожке, вившейся под горою правого берега реки и извилюстой ленточкой поднимавшейся наверх, где уходила она вправо и уже спокойно бежала прямо к школе. Отсюда чуть ли не до самой Трефиловки хорошо просматривалась заснеженная пойма реки, на левом берегу которой, слева и справа, сходились на середине хутора Лантуховка две нитки домов. С горы навстречу мне важно, вперевалку, с шумным гоготаньем шествовало к незамерзающей парящей полынье говорливое стадо домашних гусей, ведомое большим серым вожакон, лоб которого украшала разросшаяся розовая шишка.

Один из таких дней я хорошо запомнил. Я спешил в свой класс, по дороге наблюдая, как Матрёна Евдокимовна, техничка школы, в своём сером, износившемся до дыр халате, натянутом поверх тёплой одежды, взвизгивающей вибрирующей двуручной пилой в сарае с настезь отворенными воротами в одиночку умело разделявала на кругляши сосновое бревно, лежащее на самодельных козлах. Она усмотрела меня, первым спозаранку притопавшим в школу, и позвала на помощь — пилить дрова в сарае, заполненном отходами берёзы и сосны.

— Мария Павловна в школу сегодня придёт с опозданием — вчера исчезли пузырьки с нефтью, которые хранились наверху шкафа, в коридоре. (Я ничуть не усомнился в правдивости её слов, так как в эту зиму наша учительница квартировала в доме Матрёны Евдокимовны). Портфель отнеси в класс. Школа уже открыта, я только что туда занесла два беремка сухих поленьев на завтрашний день, — повелительно сказала она. — Потом будешь со мной разделявать вот это бревно.

И в самом деле, в помещении верхних классов у самой печки была навалена куча колотых дров, и если сразу на входе с улицы в коридоре ещё

и опущался застывшийся холод, то внутри, где я бросил портфель, меня обволочло приятное дровяное тепло. Я слышал, как гудела труба, как полыхали в печи сосновые смолистые поленья, яростно пожираемые языками наползавшего пламени, видел стоявший на плите чайник, из которого мы всегда на большой перемене всем классом пили чай. Рядом с печкой стояло ведро угля, доверху наполненное поблёскивающим антрацитом с воткнутым металлическим совком для его засыпки.

Наслаждаясь лучистым дровяным теплом, я с неохотой покинул уютный класс. Быстро миновал коридор, краем глаза глянув в сторону шкафа, где стоял коробок с пузырьками нефти, вышел на открытый школьный двор и уже по натоптанной тропинке направился к сверкающему в лучах восходящего солнца школьному сараю.

— Куда ж запропастился мой помощничек? Теперь-то я точно буду знать, кого мне нужно посылать за моей смертью, — донеслись до моего уха недовольные слова Матрёны Евдокимовны.

Я не обратил на это внимания, потому что меня уже волновал вопрос, куда исчез коробок с пузырьками “чёрного золота” — так моя учительница называла нефть. Мария Павловна, рассказывая о природных недрах, любила показывать хранившиеся в коробке пузырьки. Она гордилась своим сыном-геологом, работавшим в Тюменском крае, который и привёз для неё эти образцы.

— Может, те маслянистые пятна с разбитым стеклом на шероховатом льду, которые я видел под Косихино, это и есть та нефть, которая бережно хранилась в стеклянных ёмкостях? — мелькнула в моей голове мысль. — Ведь это же явные следы. Наверное, кто-то из наших ребят, спешащих в школу, сегодня обязательно заметит и расскажет об этом Марии Павловне. Но кто же смог совершить такой поступок? И будет ли он, пряча свои бесстыжие глаза, сгорать со стыда от всего случившегося? Или тот, кто совершил кражу, забыл, что у него имеется совесть, о которой нам на всех уроках говорила наша учительница?

Мне очень хотелось помочь ей в поиске пропажи, но я не знал, как. Я не знал, кто из моих друзей решился на кражу, но когда в памяти всплывали разлапистые пятна мазута на льду, то я понимал, что это совершил кто-то из сверстников, проживающих на моём хуторе.

В тот день Марии Павловне так и не удалось узнать, что произошло с теми пузырьками. Лишь только спустя многие годы, когда я приехал к ней в гости, за разговорами мы вспомнили о том случае, и она поведала мне хранившуюся в её душе тайну.

— Тогда, после завершения занятий, захлопывая дверь школы, я заметила, — вспоминала она, — что в коридоре на шкафу исчезла коробка с пузырьками. Я сильно расстроилась. Вечером я не могла есть. Лёжа в постели, я не могла уснуть. Покачивание маятника настенных часов действовало на нервы, а кукование кукушки просто разрывало тишину комнаты. Часы наводили на грустные мысли, давая понять, что ещё один час моей жизни отлетал в бесконечную вечность. Да ещё эта безжизненная луна, которая светила в окно...

Всю ночь я так и не сомкнула глаз. За это время перебрала в памяти проживающих за рекой ребят. Кто мог совершить кражу? Витя — нет. Вова — нет. Ваня — нет. Ну, кто же тогда оказался способен вынести из школы пузырьки с “чёрным золотом”? Мысль о пропаже не давала мне покоя и прямо разрывала виски. И дорог был подарок, и нужен: не один год на уроках я показывала ученикам богатство природных недр их Родины. Содержимое этих пузырьков вызывало у них неподдельный интерес. Я отвернулась к стене, но сон уплывал от меня. Перед самым рассветом зябнущим телом я ощутила, как за окном усилился мороз. Из комнаты выстужалось последнее тепло. За стеной, в пристройке, хлопая крыльями, драл горло петух. Только его кукареканье было для меня безразлично. Я продолжала лежать. Не было желания идти в школу. Думалось о том, кто совершил кражу и где искать исчезнувший коробок с пузырьками. За случившееся корила себя: видно, не доглядела чего-то.

Хозяйка дома, не обметая валенок, вошла в мою комнату. Уже и пред-
рассветная синева медленно заползала в окна, а меня невозможно было
и подъёмным краном поднять с постели. Глаза слипались, раскальвалась го-
лова. Матрёна Евдокимовна тогда заметила, что я плохо выгляжу. А как я
могла тогда выглядеть, если в ночи глаз не могла сомкнуть, думая, кто позво-
лил себе совершить такое? Помню, я ей только сказала, что вчера со шкафа
в коридоре вынесли пузырьки с нефтью и что в школе я появился с опозда-
нием. Мысли о пропаже не покидали меня. Ну, не с ногами же этот коро-
бок, не мог же он сквозь землю провалиться! Только вот куда идти? Где ис-
кать пропажу?

— В то утро ноги сами понесли меня в дом Спириных, — продолжала
Мария Павловна. — Одно время я стояла там на квартире. Шла понизу.
На той стороне реки полыхал красный восход солнца. Рядом, у колодезных
незамерзающих копаней клубился пар, в пробуждавшихся хозяйских дворах
слышалось гусиное гоготанье. На лугу у Павлова колодца кто-то набирал во-
ду. Подойдя поближе, я признала Катю. Она тоже опознала меня, встретив
радостным возгласом:

— Наверное, Мария Павловна, скучаете по нашему дому?

— Да нет, — с грустью ответила я.

— Тогда что привело вас к нам в такую рань? Может, мой баламут
Колька набедакурил вчера в школе? Он сегодня не пошёл на занятия, как-
то неожиданно у него поднялась высокая температура.

Пока шли к дому Спириных, я успела выложить Кате свою беду. Она
попыталась меня успокоить: “Не волнуйтесь, сейчас спросим моего”. Мы во-
шли в дом. Она позвала сына и оставила нас вдвоём в комнате, сама же уш-
ла хлопотать по хозяйству. Некоторое время мы с Колей молча смотрели
друг на друга. Я подошла к нему, погладила его вихрастую голову.

— Коля, вспомни, как ты болел. Как я приходила к тебе домой, и мы
с тобой в течение всей осени делали уроки. Ты обещал мне во всём помо-
гать. Вчера исчез коробок с образцами нефти. Кто мог унести его из шко-
лы? Ты не знаешь, кто это сделал?

И он во всём сознался. Любопытство заставило его вместе с первокласс-
никами вынести нефть из школы и разбить пузырьки на льду под Косихино.
Я пообещала ему тогда, что доверенный мне секрет буду хранить.

Слушая рассказ своей первой учительницы, я понял, почему исчезнове-
ние дорогого для неё подарка не привело её в отчаяние, почему она на всё
случившееся закрыла глаза. Невзирая на сильную душевную боль, Мария
Павловна нашла в себе силы покрыть поступок своих учеников ради сохр-
нения мира в классе. Она чувствовала, что оценка легкомысленных поступ-
ков ребят завтра станет эталоном их растревоженной совести.

В детстве мы стараемся не только увидеть всё лучшее в своём учителе,
но и запомнить увиденное на всю жизнь. Глядя на свою первую учительни-
цу, я тогда понял, что она сумела научить нас главному: она приобщила нас
к добру, потому что только добро служит продолжению жизни, а зло всегда
жизнь уничтожает. Она показала на собственном примере мне, взрослому,
как нужно уметь поступиться своими интересами ради мира.

Переместившись с Марией Павловной во двор, мы расположились,
скрываясь от солнца, на скамье под ветвистой яблоней. Я напомнил ей ещё
об одной школьной истории. То давнее событие перевернуло жизнь моего од-
ноклассника, отпетого озорника Черкашина, в лучшую сторону.

Однажды он, мёртвой хваткой ухватив бородатого козла за рога, осед-
лал строптивое животное и, словно вавилонский царь Хаммурапи, помпезно
въехал на нём прямо в класс. Невероятное зрелище открылось всем учени-
кам. Учительница, сидящая перед нами за столом, не могла его видеть, хо-
тя мне тогда показалось, что она каким-то непонятным образом ощущала всё
происходящее за её спиной: я сидел за первой партой и не мог не обратить
внимания, как очки Марии Павловны медленно сползли на переносицу.
Усилив воли она заставляла себя не отрываться от проверки тетрадей, по-
ка в классе не раздался громовой хохот.

Теперь, сидя со мной в тени густой, ветвистой кроны яблоневого дерева, она рассказывала:

— Я не забыла тот случай в школе. Когда он на козле въехал класс, я только и подумала: “Снова Черкашин! Сколько же можно?” Вначале хотела написать записку его отцу и вызвать в школу. Потом увидела, как он вразвалку, с ухмылкой на лице шёл к моему столу. “Всё, как всегда, — подумала я. — Чем же его пронять? Или всё бесполезно? С него всё как с гуся вода”. И вдруг — стоп! Меня осенила мысль. Я сказала самой себе: “Он всего лишь ребёнок. А ты — учитель с громадным опытом. Человек с волевым характером”. И я, подавив в себе злобное волнение, нашла для него умиротворяющие слова. Я обратилась к нему так, словно ничего не случилось: “Ты устал, Коля? Садись за парту, — ласково проговорила я, — отдохни”. От такого обращения к нему, уличному шалопаю, он вздрогнул, удивлённо посмотрел на меня и в растерянности стал медленно удаляться от моего стола. Ему не хотелось уже больше никого беспокоить и унижать, ему хотелось быстрее сесть за парту. Он потом поневоле уже не отвлекался, а следил за ходом моего урока. После того приключения в нашем общении с ним не было больше вражды. С Колей установились мирные отношения. Это была победа! Не столько над неисправимым учеником, сколько над собой.

Я смотрел на свою постаревшую учительницу и думал, что прошло уже столько лет, а она всё помнит и по-прежнему продолжает жить жизнью каждого своего ученика.

— Потом, — вспоминала она, — Коля, уже взрослый, приезжал ко мне в гости. “Лучше бы вы тогда меня побили или вызвали отца в школу. Если бы вы только знали, как мне было стыдно тогда. И я твёрдо сказал самому себе, что со мной больше подобное никогда в жизни не повториться. Поступая благородно по отношению ко мне, вы сделали для меня значительно больше, чем, если бы, вызвали отца в школу, и он при всех моих сверстниках строго наказал меня”.

Слушая Марию Павловну, я понимал, что главным делом её жизни было стремление сделать своих учеников духовными людьми, привить им чувство справедливости и любви, заставить проявлять заботу о других людях. Может быть, поэтому во взрослой жизни нам не понадобились и сдерживающие законы, так как всё злое приостанавливала наша недремлющая совесть, разбуженная в нас нашей первой учительницей. Её стараниями духовная власть в каждом из нас всегда стоит выше, чем власть человеческая.

Помню, на первых порах в пятом классе я потерялся в новой школе, стал пропускать занятия. Однажды случайно оказался вместе с Марией Павловной на открытом дворе начальной школы, наблюдая за плывущим в небе клином журавлей. Небо наполнялось переливающейся силой звука журавлиного курлыканья вперемешку с радостным воплем вывалившихся из школы учеников, машущих воздетыми вверх руками: “Журавли летят! Летят журавли!” На фоне одетого в золотой багрянец осеннего леса высоко в небе, лениво покачиваясь, проплывал над нами нестройный журавлиный клин. Его ослабевший улетающий плач постепенно смолкал, пропадая вдали, пока и вовсе не перестал быть слышимым. Во внезапно охватившей всех нас полной тишине я вдруг услышал обеспокоенный голос Марии Павловны: “Ты почему пропустил впереди себя худших учеников? У вас же разные способности. Надо стараться! Надо идти вперёд!”

Оказывается, она была в курсе всех моих достижений и неудач в новой школе. Она верила в меня.

Всю жизнь не выпускала она из поля зрения своих учеников, искренне радуясь их победам, вселяя в них надежду, и эта надежда помогала преодолевать падения и становиться в жизни сильнее. В каждом из нас — частичка её труда, её души, её любви. Начинать всегда трудно. Однако все мы знаем, что если начало положено, то поддела сделано, а ведь только от доброго начала бывает и добрый конец.

Учитель лишь приоткрывает дверь в жизнь, а дальше ты шагаешь сам.